

Владимир Михайлович Шулятиков

Этапы новейшей русской лирики

Владимир Михайлович Шулятиков

Этапы новейшей русской лирики

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663185*

Аннотация

«На предлагаемых вниманию читателя страницах мы делаем характеристику общей линии развития новейшей русской лирики. При этом мы отступаем от обычного критического приема: мы не даем галереи литературных портретов, не производим анализа отдельных поэтических дарований. Наша позиция иная – проследить историю господствовавших в области лирики за истекшие тридцать лет мотивов. ...»

Содержание

I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Шулятиков

Этапы новейшей лирики¹

*Любить людей за что? Любить слепцов, как я,
Случайных узников в случайном этом мире,
Попутчиков за целью бытия,
Соперников на ненавистном пире.*
Н. Минский («Думы»)

«Die Zucht des Leidens, des grossen Leidens – wisst ihr nicht, dass nur diese Zucht alle Erhöhungen des Menschen bisher geschaffen hat? Jene Spannung der Seele im Unglück, welche ihr die Stärke anzüchtet, ihre Schauer in Anblick des grossen Zugrundegehens, ihre Erfindsamkeit und Tapferkeit im Tragen, Ausharren, Ausdeuten, Ausnutzen, des Unglücks... ist es nicht ihr unter Leiden, unter der Zucht des grossen Leidens geschenkt worden?»
Friedrich Nietzsche («Jenseits von Gut und Bose», S. 225)²

На предлагаемых вниманию читателя страницах мы делаем характеристику общей линии развития новейшей русской лирики. При этом мы отступаем от обычного критического приема: мы не даем галереи литературных портретов, не производим анализа отдельных поэтических дарований. Наша позиция иная – проследить историю господствовавших в области лирики за истекшие тридцать лет мотивов. Правда, мы останавливаемся на разборе поэзии, например, Надсона,

Владимира Соловьева³ или Минского⁴, но названные лирики важны для нас не an und fur sich – исчерпывающим выяснением их политической физиономией мы не занимаемся, – для нас они имеют значение постольку, поскольку являются яркими выразителями определенных тенденций в лирике, поскольку полнее других вскрывают тот или другой мотив или ту или другую группу мотивов⁵. Отдельные поэты для нас – лишь примеры. Более того, мы не ставим себе зада-

³ Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) – поэт-философ. По своему религиозному, мистическому мировоззрению один из реакционных русских мыслителей. Поэт В. Соловьев известен лирическими стихотворениями в духе мистико-религиозных откровений.

⁴ Минский (1855) (литературный псевдоним Николая Максимовича Виленкина) – поэт-философ эпохи общественно-литературной реакции. Литературную деятельность Минский начал с «гражданских песен», но постепенно сошел к мистической настроенности, мотивам безвыходности и тоски, вылившихся в абстрактные формы символизма. В 1905 г. Минский кратковременно работал в «Новой Жизни». В основу философской системы Минского легла «меоническая идея». Меон не существующий: «меоническая идея вела к отрицанию действительности».

⁵ Шулятиков имеет в виду общие литературные течения, вырабатываемые «интеллигентными ячейками» определенных социальных классов групп, при чем формация подобных литературных течений Шулятиковым мыслится как длительный процесс, в котором продукция второстепенных писателей играет весьма значимую роль. К этому вопросу Шулятиков возвращается в ряде своих работ (см. приведенную в настоящем издании его статью «Восстановление разрушенной эстетики»). Современное литературоведение в Порядке постановки ставит ту же проблему «массовой продукции». Жирмунский – «Пушкин и Байрон» 1924 г., Эйхенбаум – «Лермонтов» 1924 г. Виноградов – «Гоголь и натуральная школа». 1925 г. Его же «Эволюция русского натурализма» 1929 г. Переверзев – «Творчество Достоевского» 1928 г. (заключительная статья).

чею дать громоздкую коллекцию мотивов. Ограничиваемся немногими. Благодаря этому произведения некоторых даже из достаточно видных лириков останутся не цитированными. Наша цель дать читателям, знакомящимся с новейшей русской поэзией и изучающим ее, руководящую нить, с помощью которой они могли бы ориентироваться в массе поэтических опытов и дарований и составлять оценки отдельных *deorum majorum et minorum* современного российского Парнаса⁶.

C'est tout. Только такая – «*безличная*» история литературы имеет, по нашему мнению, право на существование.

⁶ ...высших и низших богов современного российского Парнаса.

I

Набрасывая свою поэтическую платформу (стих. «Поэт»), Надсон выдвигает, между прочим, такое требование: поэт должен вести свою аудиторию «в бой с неправдою и тьмою», в «суровый грозный бой за истину и свет». Данному требованию он старался ответить, начиная с первых своих стихотворных опытов, призывающих к «борьбе с судьбою», борьбе с «глубокой мглой ночной». Термины «борьба», «бороться», «биться» являются в его лексиконе одними из наиболее часто употребляемых. И эти термины, – военные доспехи, в которые облекается поэт, – могут дать повод к ошибочной оценке его «музы». Если они позволяют связать его поэзию с «гражданской» (как тогда называли) лирикой 60-х и 70-х годов⁷, то преувеличивать значение его «гражданственности», – а подобное преувеличение вплоть до последних дней имело место в их критике и среди читающей публики, – отнюдь не приходится. От гражданских мотивов «шестидесятников» у Надсона сохранилось лишь самое слабое воспоминание. «Гражданская» терминология для него старые мехи, в которые вливается новое вино.

Чтоб убедиться в этом, мы должны совершить небольшую филологическую экскурсию – сопоставить ряд текстов, вы-

⁷ Поэты гражданской лирики 60-х годов: Некрасов, Дрожжин, Плещеев и др.

ясняющих истинный смысл его «боевых» слов. Уже наиболее ранние из его стихотворений дают нам ценные указания. В стихе «На заре» Надсон спрашивает себя, не погубил ли он своих душевных сил в борьбе, «в тяжелой борьбе», которая ничего ему пока, кроме тоски, кроме «бремени печали», не принесла. В стихе «О, если там, за тайной гроба...» мы встречаемся с таким четверостишием: «Душа полна иных стремлений, она любви и мира ждет, борьба и тайный яд сомнений ее терзает и гнетет». Обратите внимание на сопоставление борьбы и душевных страданий. Подобное сопоставление проходит красной нитью через все литературное наследие Надсома. «О, к чему обречать эту юную грусть на борьбу, на тоску и мучен и я!..» – шепчет путнику «чаровница лесная» в стихе «Полдороги». «Борьба, проклятия и муки – не бред безумных книг», – читаем мы в стихе. «И крики оргии»... «Или вновь ты захотел работы, слез и жертв, страданий и борьбы?» – спрашивает поэт человека будущего («Грядущее»). «Хочу, – восклицает он, – борьбы и терний»... («Я их не назову врагами»...) «Гроза очищает душу поэта страданием и борьбой» («Я не щадил себя»...). Он знает «страдания ужасней, чем пытка сама», страдания, когда «мысль немеет от долгой борьбы» («Есть страданья»...) «Гнетущий круг борьбы, сомнений и невзгод», – так определяет поэт враждующую «судьбу» («Когда вокруг меня сдвигается теснее»...). Минуты невзгод он называет минутами «унынья, борьбы и нена-

ствия» («В минуты унынья»...). Весь мир представляется ему «миром горя и борьбы» («Не упрекай меня»...). Этот мир «устанет от мук... утомится безумной борьбой» («Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат»...). Поэт отдает «всю душу на борьбу и страдание» («Мы спорили долго»...). Он не хочет, не может молчать, «под грозой борьбы и пред лицом страдания» («Милый друг, я знаю»...). Он посвящает стих «страданию и борьбе» («О тех пор, как я прозрел»...). «Слезы горя, борьбы и лишения» являются родником его песен («Муза»). Он не может нигде найти себе забвения и покоя; его удел – «вечно бороться и страдать» («И крики оргии»...).

Приведенные цитаты раскрывают, вместе с тем, и характер данного сопоставления. «Борьба, страдание», «борьба, горе», «борьба, уныние», «борьба, муки» – все это указывает на то, что борьба оценивается как нечто тяжелое, подавляющее человека, отнимающее у него жизненные силы. Более того, неизменно сочетая борьбу со страданием, Надсон постепенно сближает оба понятия, обращает первое в синоним второго.

«Я без песни борюсь и без песни грущу!» Выражение борюсь в рамках стихотворения, в которое вставлен цитируемый стих, оказывается совершенно неожиданным. Там речь идет о «муках и тревогах» сердца, о его скорбях и ранах, о непроглядной ночной мгле, обступившей поэта. Какая борьба? Против кого она ведется? Надсон этого ни словом не поясняет. Но пояснения для него в данном случае,

излишни: замените «борюсь» синонимом, усвоенным надсоновской лирикой, – и никаких недомолвок в стихотворении не будет. Разумеется, в отдельных случаях «борьба» сохраняет у Надсона социальный оттенок, но, в общем и целом, оттенок этот исчезает; термин, составляющий достояние литературы «шестидесятников», подменяется новым.

Пусть у «шестидесятников» не было ясного представления о классовой борьбе, пусть, в их глазах, эта борьба довольно основательно была завуалирована дымкою «общечеловеческих» отношений, но, как никак, контуры классов они различали, и социальные конфликты, развертывавшиеся перед ними, служили главным объектом их художественного восприятия. Теперь, имея дело с поэзией Надсона, вместо «гражданской» борьбы, о которой говорила, например, поэзия Некрасова, мы имеем дело с лирикой «внутренних настроений». Бороться, на высоте Надсона, означает переживать душевную драму, означает страдать.

Наступает своего рода эпоха ревизионизма. Стираются грани социальных групп. На место последних, подвижных противоречивыми материальными интересами, подставляется понятие об обществе, разделяющемся на страдающих и нестрадающих. Страдание абстрагируется, обращается в фетиш.

Между нищими всякого рода,
Между членами грустной семьи,

Над которой судьба и природа
Шутят злобные шутки свои.
В этом мире под вечным ненастьем,
В мире слез, в нищете и в крови
Всех беднее, кто беден участием,
Всех несчастнее – нищий любви.

Не ищи же несчастного брата
У дверей многолюдных церквей, —
Этим нищим, просящим у храма,
Все помогут – степенный купец,
И слезливая, нервная дама,
И успевший нажиться делец.

Так en toutes lettres обосновывается новая, «внеклассовая» позиция. «Несчастный брат» – это только «страдающий брат»... и притом страдающий довольно «возвышенными» страданиями. Имеются в виду страдания избранных натур, страдания ума, не «мирящегося» с пошлостью «толпы», страдания, поднимающие «над довольной и сытою толпой, как взмах могучих крыл» («Как долго длился день»...); страдания тех, в чьем сердце «оскорблен идеал, идеал человека и света» («Если душно тебе»...); страдания, символизированные поэтом⁸ в образе Герострата – одинокого героя, ушедшего далеко от толпы, страдающего «непонятной тоской», не

⁸ «В мраке прошлого, в ряду его преданий, есть тень, покрытая бесславьем и стыдом, но близкая душе огнем своих страданий».

оцененного «мелочными сердцами», страшного всем счастливым, «как свет исчадьям тьмы».

Каждый истинный человек должен быть отмечен печатью страданий. Страдание приобретает значение признака, отличающего членов известной группы, значение их «профессионального качества», – и, в качестве такового, оно из отрицательного, разрушающего начала превращается в начало положительное, созидующее.

Надсон рисует себе возможность наступления царства всечеловеческого счастья. Эта возможность пугает его. Он задает вопрос: будет ли счастлив в названном царстве, «в обновленном и радостном мире» «печальник людей?» Нет, получается ответ, ибо там сердце печальника, «это сердце больное заглохнет без горя, как нива без гроз; оно не отдаст за блаженство покоя креста благодатных страданий и слез». В «новом мире» он склонен видеть лишь «пир животного, сытого чувства». И для вящего осуждения этого мира строится силлогизм: прошлое – это море «праведной крови погибших бойцов», прошлое – это бездна «подвигов мысли и мук»; в результате же всего означенный пир; ясное дело, к подобному «пиру» может быть только отношение: это – «жалкий, пошлый итог» веков страданий, и ни один «честный боец» не должен отдавать за него своего «тернового венка». «Бойцы», то есть «страдающие», но должны переставать страдать: страдание – их священная миссия, страдание делает их социальной группой. Прекращение же страда-

ний знаменует собой не более и не менее как измену, отказ от собственного достоинства, своего рода классовое самоубийство. И Надсон слагает настоящее славословие «благодатным» страданиям. Он приветствует их, «упивается» ими.

.... вот, — я наконец один с моею тоскою!
Спешите ж, коршуны, — бороться я не стану, —
Слетайтесь хищною и жадною толпою
Терзать моей души зияющую рану...
Пусть из груди порой невольно рвется крик,
Пусть от тяжелых мук порой я задыхаюсь:
Как новый Прометей, к страданиям я привык,
Как новый мученик, я ими упиваюсь.

Он называет своим богом Христа: Христос – «бог страждущих»; к Христу влечет его «обаянье пытки и креста»; в религии креста он находит именно выражение своего культа страданий: «и пред страданием... склоняюсь я с моей горячею мольбой!» («Я не тому молю»...)

В ряде стихотворений он заявляет о своей готовности и даже потребности страдать великим страданием. «Без слов я тяжелейший крест безропотно приму» («Напрасно я ищу могучего пророка»).

«Где ж ты, вождь и пророк?... О, приди... Дай мне жгучие муки принять, брось меня на страданье, на смерть, на позор» («Беспокойной душевною жаждой томим...»). «О, сколько раз его (мир) горячею мечтою я облетал... Как жаж-

дал я – чего? – не нахожу названия... нечеловечески тяжелого страдания... («Испытывал ли ты, что значит задыхаться...»)

Страдания, в глазах Надсона, – великая движущая сила. Лишь то, что куплено ценою их, – прочно. Страданиями приобретается просветленный взгляд на жизнь. «И в тягостной грозе, прошедшей надо мною, я высший смысл постиг, – она мне помогла, очистив душу мне страданием и борьбою, свет отличить от мглы и перлы от стекла» («Я не щадил себя»...) Страданиями завоевывается счастье. Страдай! – учит поэт своего читателя; пусть страдания тяжелы и долги, но зато «глубоко будет счастье»; только такое счастье не может быть разрушено первым, хотя бы легким ударом судьбы: «Кровью и слезами купленный покой не спугнет бесследно первое ненастье, не рассеет первой легкой грозой!» («Облака».) Страдания – залог того, что наступит царство любви. (Здесь мы встречаемся с мотивом, противоречащим отрицательно-му отношению к «пиру сытого чувства»: о противоречиях надсоновской лирики речь будет ниже). «Ночь вокруг чересчур уж темна» – и именно самая темнота ее должна породить свет. Чем хуже, тем лучше! «Мир устанет от мук, захлебнется в крови... И поднимет к любви, к беззаветной любви очи, полные скорбной мольбой!»

Культ страдания оставил след даже в эстетических воззрениях Надсона. Характерны его стихотворения, где он распространяется по поводу «мук слова». Первоначально дает-

ся такая постановка темы: поэт заявляет, что обладает достаточным запасом душевных сил, чтобы выполнять поэтическую миссию, но его смущает то обстоятельство, что аудитория его по достоинству не оценит: «кто поймет, что не пустые звуки звенят в стихе неопытном моем»; между тем каждый стих его куплен очень дорогою ценою, – «дитя глубокой муки»; каждая минута вдохновения стоит «слез, не видных для людей», «немой тоски», «скорбных дум» («Я чувствую и силы и стремление»...). «Что песнь для мира? – восклицает он в другом стихотворении. – Только – красивые звуки», «мелодия!» Между тем в нее «вложено так много» – много «живых мучений», душевных стонов. «Грозою над ней вдохновенье промчалось, в раздумье пылало чело; и то, что других лишь слегка прикасалось, певца до страдания жгло» («Одни не поймут, не услышат другие»...). Другими словами, драма «мук слова» определяется – как противоречие между «страдальческою» ценностью поэзии и неспособностью толпы усмотреть данную ценность. Но центр тяжести драмы все-таки не в этом. Он заключается в творческом бессилии поэта. «Бессилен стих мой, бледный и больной»... Словесный материал, которым располагает поэт, оказывается несоответствующим силе и богатству переживаний поэта. «Нет на свете мук сильнее муки слова: тщетно с уст порой безумный рвется крик... холоден и жалок нищий наш язык». Поэт не властен внешний безбрежный мир и душевный мир «жизненно набросить робкими штрихами и вместить в раз-

меры тесных строк» своих стихотворений («Милый друг, — я знаю»...). «Ровные, плавные строки, словно узор, ласкающий глаз. О, мои песни, как вы «стали далеки на страницах книжки от сердца, создавшего вас!» Надсон не узнает в них «безумных жгучих звуков» своего «страстного чувства», своих страданий. «Едва вы в слова выливались, могучая сила отлетала от вас... вы бледнели, как звезды с зарей»... «Язвы прикрылись цветами, мелодией скрыт диссонанс бесконечных мучений» («Ровные, плавные строки»...). Драма слова оказывается, таким образом, в представлении поэта, прежде всего, его внутренней драмой, драмой творческого процесса. Форма, по мнению Надсона, абсолютно не отвечает содержанию: о душевной буре приходится повествовать в «ровных, тесных» строках, нечто, «нечеловечески великое» обращать в нечто банальное, умеренно-аккуратное, нечто хаотично-страстное — в нечто спокойное. Все здесь именно в «нищенской» правильности формы, в ее «покое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.